

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.334; 316.4

М.Р. Зазулина

ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ ПАТЕРНАЛИЗМ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ: О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В ИЗМЕНЕНИИ СТРУКТУРЫ ОЖИДАНИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Показаны особенности трансформации установки на патернализм в современном российском сельском социуме. Выявлена структура ожиданий, которые сельское население связывает с различными властными институтами. Установлены основные причины и закономерности, определяющие изменение этой структуры. Сделан вывод о смещении ожиданий от государства к местным властям, а также от экономических институтов к политическим на основе данных социологических исследований 2005–2014 гг.

Ключевые слова: патернализм; сельское сообщество; государство; трансформация; политические институты; экономические институты.

Развитие человечества показывает, что трансформирующиеся общества способны воспроизводить ряд установок, которые имеют не просто долгую историю, но, по-видимому, обладают архаической природой. Одним из таких феноменов, вновь и вновь воспроизводимых в качестве ценности в массовом сознании россиян, оказывается патернализм, который в самом общем плане понимается как социально-культурный феномен, проявляющийся в ожидании опеки со стороны государства или властных институтов и готовности в обмен на это частично ограничить свою свободу.

Существование патерналистского запроса в российском обществе сегодня рассматривается как аксиома и прослеживается на всех уровнях, вплоть до государственных документов. Несмотря на то что патернализм признается частью российской культуры, оценка его проявлений в основном проходит в негативном ключе. В частности, исследователи утверждают, что патернализм – это часть традиционалистской культуры, которая сама по себе является непродуктивной и реакционной, по большому счету мешая прогрессу и развитию [1]. Однако непродуктивность отнюдь не объясняет устойчивость воспроизводства отдельных элементов традиционалистской культуры во времени и во всех сферах жизни. Скорее то, что мы считаем непродуктивным, на самом деле является проявлением нелинейности общественного развития либо закономерностей, которые пока находятся вне нашего понимания.

Термин «патернализм» происходит от латинского слова *paternus*, которое переводится как «отцовский, отеческий». Характеристика социальных отношений как отношений отца и детей имеет долгую историю: она встречается в трудах Сократа, Платона, Аристотеля, Конфуция. Подобный тип взаимоотношений между государством и гражданами был описан у Дж. Локка, Л. де Бональда. В российской политической мысли тезис о выстраивании отношений царя с народом как «отца» с «детьми» развивали славянофилы. М. Вебер трактовал патернализм как форму традиционного политического господства (патримониализм), в рамках которой пользующийся авторитетом

патриарх обеспечивает своим подчиненным защиту, за что последние платят ему лояльностью и послушанием. Во второй половине XX в. дискуссия о патернализме была развернута и реактуализирована в работах Дж. Дворкина и Дж. Файнберга, которые исследовали основания и пределы этого феномена в рамках пересечения таких проблематик, как потребность в реализации социальной политики государства, необходимость свободы в рамках гражданского общества и возможности рационального выбора. Таким образом, использование модели семейных отношений для объяснения отношений социальных может рассматриваться как достаточно распространенная интеллектуальная традиция, характерная и для мыслителей прошлого и для современных ученых [2. С. 77].

Очевидно, что предельно широкое и множественное определение понятия «патернализм» в современных социальных науках связано с распространением этого явления во всех сферах общественной жизни. Экономисты обращают внимание на то, что патерналистская система отношений представляет собой систему строгой субординации групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих. Таким образом, патернализм выступает как основа для механизмов специфического социального обмена и как метод утверждения классовых отношений и вырастает из потребности в стабилизации и моральном оправдании системы, покоящейся на фундаментальном неравенстве [3. С. 210].

В качестве примера определения понятия «патернализм», подчеркивающего многоликость этого явления, приведем определение, даваемое Большим толковым социологическим словарем: 1. Тип руководства, при котором руководители обеспечивают удовлетворение потребностей подчиненных взамен за их лояльность и послушание. 2. Покровительство, «отеческая власть» индивида или группы над другими индивидами или группой, считающимися слабыми. 3. Идеология и социальная практика в области трудовых отношений, которая проявляется в благотворительности и заботе предпринимателей о своих работниках. 4. Политика индустриально развитых стран по оказанию помощи развивающимся странам, фактиче-

ски закрепляющая экономическую и политическую, зависимость последних [4].

Тот факт, что установка на патернализм вновь и вновь воспроизводится в различные периоды культуры, позволяет говорить о ней именно как об элементе традиции (о традиционалистском элементе культуры). Суммируя современное понимание патернализма, отметим, что в качестве его сущностных черт выделяются отношения зависимости, подчиненности, связанные в первую очередь с дифференцированным отступом к власти и различным ресурсам. Особенно отношения патернализма характерны для обществ с сильными традициями общинности, а само это явление выступает неотъемлемой частью культурной традиции азиатских, латиноамериканских и европейских обществ.

Как культурный феномен патернализм имеет долгую историю, выступая неотъемлемой частью российской культуры. Правомерность использования этого понятия при анализе особенностей российского исторического процесса признается большинством исследователей. Устойчивые патерналистские традиции определяли отношения в крестьянской и помещичьей среде в царской России, делая, таким образом, патернализм ключевым элементом массового сознания большинства сельского населения Российской империи [5]. Патернализм Советского государства по отношению к обществу проявлялся в широкой системе социальных гарантий, а также в особых государственных мерах поддержки в отношении наименее социально и экономически защищенных групп населения: к проявлениям патернализма можно отнести такие черты советской административно-командной системы, как планирование деятельности предприятий «сверху», их защита от конкуренции, а также забота предприятий о своих сотрудниках.

Более того, накопленный опыт исследований патернализма позволяет ответить на вопрос, во-первых, о пределах патернализма, т.е. о том, какие формы он может принимать и до каких масштабов разрастаться, а во-вторых, о возможности существования его «приемлемых» вариантов. Отвечая на второй вопрос, известный исследователь Дж. Дворкин связывает патернализм с ограничением воли индивида, но отмечает, что сознательное установление индивидом таких ограничений и признание их в качестве оптимальных означает как раз «приемлемый» вариант патернализма [2. С. 81].

Пример российской истории как раз показывает возможную параболу развития патерналистских паттернов, от отдельных элементов, проявляющихся на различных уровнях общества (забота царя-батюшки о своих подданных, забота помещиков о своих крепостных, забота колхозов о семьях и домохозяйствах своих работников) и до возможной монополизации государством всех сфер и форм хозяйственной и политической жизни, граничащей с их полной регламентацией в условиях тоталитарного режима.

Таким образом, патернализм, доведенный до предела, ведет к монополизации государством всех форм хозяйственной и политической жизни и способствует появлению и существованию (фактически лежит в основе) таких феноменов, как тоталитарные и автори-

тарные общества. С такой точки зрения современные «постсоветские» проявления патернализма можно рассматривать как остаточные в тоталитарной системе, существовавшей в советский период.

Современные социологические исследования показывают, что на рубеже XX–XXI вв. патерналистские ценности продолжают определять социальное поведение россиян вплоть до электоральных предпочтений. Тот факт, что существование запроса на патерналистские отношения прослеживается сегодня на всех уровнях российского общества, от обыденного сознания граждан вплоть до государственных документов, дает повод рассматривать трансформацию патерналистских ценностей в двух ракурсах: 1) как систему мер «сверху» и 2) как систему ожиданий «снизу». Как система мер «сверху» патернализм СЕГОДНЯ существует в виде принципа дотационной выравненности различных территорий, от целых регионов до отдельных муниципалитетов, которым руководствуется современная государственная политика. После рыночных преобразований одним из самых ярких проявлений патернализма, например в сельской местности, можно считать феномен «опеки» сельскохозяйственных предприятий над хозяйствами своих работников, описанный сельскими социологами [6]. Как система ожиданий «снизу» патернализм проявляется в традиционалистской системе ценностей и, в том числе, в определенных установках населения по отношению к властным институтам.

Таким образом, репрезентированный в повседневной системе коммуникаций патернализм предстает как многоуровневая система социальных практик, где государство заботится о предприятиях и населении, которые в ответ обеспечивают послушное и лояльное отношение к властным политическим институтам. В основе такого лояльного отношения к власти, по сути дела, лежит традиционалистская система ценностей. Патернализм в качестве отклика, т.е. патернализм «снизу», сводится не только к лояльности власти (проявления которой могут быть многогранны, но при этом не всякое лояльное отношение к власти является патерналистским): это лояльное отношение к власти, дополненное, во-первых, стремлением ее персонифицировать, а во-вторых, связанное с надеждами на то, что она способна обеспечить «лучшую» жизнь. И речь в данном случае идет не просто об объективном выживании, а именно о надеждах на «лучшую» жизнь в соответствии со стандартами, принятыми на данный момент в обществе.

В нашей работе показаны особенности трансформации установки на патернализм в условиях изменений, которые переживает российский сельский социум, а также дана характеристика места, которое патернализм занимает в структуре ожиданий сельского населения. В качестве эмпирической базы послужили данные социологических исследований, реализованных в сельских сообществах Новосибирской области при участии либо под руководством автора в период с 2005 по 2014 г.

Проведенные исследования позволили выдвинуть и подтвердить ряд гипотез относительно особенностей социокультурной трансформации российского

сельского социума, а также ее обусловленности развитием социальных, экономических и политических процессов. Сибирское крестьянство в данном случае выступает тем срезом российского общества, на примере которого элементы патернализма прослеживаются достаточно ярко и на разных этапах развития, а установка на патернализм крайне выражена.

В частности, наши исследования показывают, что установка на патернализм оказывает структурообразующее действие на систему ожиданий, которые сельское население связывает с различными властными и экономическими институтами и определяет иерархию ожиданий, а также особенности их трансформации. Яркие проявления патернализма в сельских регионах России фиксируются исследованиями последнего десятилетия и позволяют говорить о выделении такого специфического феномена, как «сельский» патернализм. Мы понимаем сельский патернализм как сформировавшийся у сельских жителей блок ожиданий, связанных с поддержкой не только властных, но и хозяйственных структур. Понимаемый таким образом сельский патернализм репрезентируется к повседневной системе взаимодействий сельских жителей, ориентированных на улучшение своего благосостояния путем получения помощи от различных политических и экономических институтов в условиях осознания невозможности выжить без получения таковой.

Наиболее явно данная установка проявляется в убежденности селян, что существование современного села невозможно без помощи государства (табл. 1). На первый взгляд, такая позиция кажется сама собой разумеющейся и не нуждается в дополнительных комментариях. Однако именно этот вопрос оказывается тем маркером, который в целом характеризует позицию сельских жителей в отношении рыночных реформ и демонстрирует, что тренд на либерализацию не только экономической, но и социальной сферы (который в середине 2000-х проявился в реформе по монетизации льгот, а сейчас, спустя десятилетие, в пенсионной реформе) является глубоко чуждым сельскому населению.

Таблица 1
Реально ли, на Ваш взгляд, развитие села без существенной помощи со стороны государства? Экспертный опрос, %

Вариант	Год		
	2007	2011	2014
Да, развитие без помощи государства возможно	4	0	5
Нет, развитие без помощи государства невозможно	94	98	92
Затруднились с ответом	2	2	3

В ситуации постоянного кризиса и изменения привычного образа жизни отношение к государству и представляющим его институтам неизбежно трансформируется, причем достаточно неожиданно: результаты опросов демонстрируют, что в указанный период наблюдается сокращение доли тех, кто считает, что правительство предпринимает усилия по решению проблем села, но одновременно сокращается и доля тех, кто считает, что правительство бросило село

на произвол судьбы. Компенсируется это увеличением количества сельских жителей, которые затрудняются дать какую-либо оценку государственной политике, ориентированной на село (табл. 2).

Таблица 2
Как можно охарактеризовать политику правительства в отношении российского села? Массовый опрос, %

Вариант	Год			
	2005	2007	2011	2014
Предпринимает усилия по решению проблем села	11	9	8	5
Бросило село на произвол судьбы	88	88	84	72
Затруднились с ответом	1	3	8	23

Тот факт, что «без помощи государства прожить невозможно», говорит о том, что государство продолжает оставаться основным адресатом патерналистских ожиданий. Вывод о систематизирующем характере установки на помощь государства в общей структуре патерналистских ожиданий сельского населения позволяют сделать данные об ожиданиях, которые население связывает с различными уровнями власти (табл. 3). Несмотря на фиксируемое в исследованиях общее снижение ожиданий, связываемых с государственной властью, именно она оказывается первой в рейтинге, значительно обгоняя своих «конкурентов» – региональные и местные администрации.

Таблица 3
От какого уровня власти вы ожидаете социальной поддержки прежде всего? Массовый опрос, %

Вариант	Год			
	2005	2007	2011	2014
Государство	41	73	53	47
Областная администрация	38	22	26	17
Местные администрации	21	5	21	36

Данные таблицы позволяют определить количественные и качественные изменения в структуре ожиданий от различных уровней власти. В первое десятилетие 2000-х – это классическая пирамида, в которой на первом месте оказывается самая популярная власть – государственная, на втором – власть областная, а на третьем – местная. К 2014 г. пирамида трансформируется в песочные часы, в которых основные полюса ожиданий – это государство и местные администрации, в то время как ожидания от региональной власти значительно сокращаются.

Наши исследования дают основания предположить, что зафиксированные изменения связаны с этапами осуществления муниципальной реформы и укладываются в объяснительную схему движения от периода регионализма (сила региональных властей и слабость местных), через постепенное изменение ситуации вследствие эффектов от введения муниципальной реформы (которая на территории Новосибирской области реализуется с 2003 г. и к 2005 г. дает первый эффект в плане адаптации к ней населения и возможности осмысления первых результатов) к все большим упованиям на власть местную, оказавшуюся последним институтом, реально решающим проблемы селян в условиях осознания того, что государство «бросило село на произвол судьбы».

Общее снижение «рейтингов доверия» государству отнюдь не означает разрушения патерналистского комплекса ожиданий в целом, а лишь его трансформацию. Не отказываясь полностью от установки на ожидание помощи извне, сельские жители в значительной степени трансформируют этот комплекс ожиданий.

Если рассматривать сельский патернализм как определенную структуру, представляющую собой ожидания от разных институтов, то очевидно, что эта структура имеет как минимум два уровня реализации. Первый, верхний уровень – это ожидания, связанные с государственной социальной и экономической политикой в отношении села. Второй, нижний уровень – это ожидания, которые сельское население связывает с «местными» властвующими и локальными субъектами. Реализация этих ожиданий может быть связана не только с действиями местных администраций, но также с социальной политикой местных предприятий, осуществляющих «опеку» над хозяйствами своих работников и в целом над населенными пунктами, на территории которых они находятся. Сквозным, объединяющим оба уровня ожиданий моментом можно считать феномен редистрибуции, понимаемый как совокупность практик по поступлению ресурсов от государства в крупные сельскохозяйственные предприятия и перераспределению затем в личные подсобные хозяйства. Получается система, в которой государство обеспечивает предприятия, а предприятия обеспечивают своих работников. Работники остаются заняты в сельском хозяйстве даже в условиях общего низкого уровня оплаты и тяжелых сезонных условий труда, поскольку, кроме этого, получают возможность (в ряде случаев формально, а в ряде случаев – и неформально) использовать ресурсы предприятия для ведения личных приусадебных хозяйств. Речь идет о таких практиках, как получение комбикормов, использование колхозной техники для обработки личных участков, помощь в заготовке сена, дров и пр.

Предприятия в этой системе оказываются основным редистрибутивным механизмом, а работники живут в уверенности, что смогут получить помощь, без которой иначе личные подсобные хозяйства не могли бы существовать (их ведение было бы нерентабельным), а сами семьи – продолжать жить в сельской местности (небольшая зарплата попросту не позволяла бы этого делать). Несмотря на ярко выраженный

неформальный характер редистрибутивных механизмов, период их существования оказался достаточно долгим, а их значение для экономики крестьянских домохозяйств и сельской экономики в целом трудно переоценить. Сокращение количества сельскохозяйственных предприятий, ставшее следствием реорганизации всей сельской экономики, должно было привести к интенсификации деятельности на личных подворьях. И такой тренд действительно имел место: как показывают данные статистики, сокращение количества крупных сельскохозяйственных производителей привело к уменьшению доли производимой в них продукции и к увеличению доли продукции, производимой в ЛПХ [7].

Однако еще одним следствием данной ситуации стало постепенное разрушение, а затем и полный распад десятилетиями складывающихся редистрибутивных механизмов сельской экономики и сокращение, а в ряде случаев и полное прекращение поддержки личных подсобных хозяйств населения со стороны сельскохозяйственных предприятий, что привело к значительному сокращению экономической активности и на личных подворьях (отметим, что следствием крушения редистрибутивной системы можно считать и усиление миграционных потоков из села в город, и процессы диверсификации сельской экономики, связанные с отходничеством и работой вахтовым методом, оформившиеся и интенсифицировавшиеся именно в последнее десятилетие). Изменение структуры ожиданий сельского населения также стало одним из последствий такой ситуации.

В целом и данные статистики, и данные исследований, проводимых различными коллективами, позволяют утверждать, что в последние десятилетия происходит уменьшение значимости крупных сельскохозяйственных экономических структур в жизни целых сельских локальных сообществ и отдельных домохозяйств. В условиях, когда местные предприятия оказались экономически слабы и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей снизился и, как следствие, вырос «рейтинг доверия» к местной власти. Именно уменьшение значимости «крупхозов» в представлении жителей села, наряду с одновременным возрастанием авторитета местной власти, фиксируется исследованиями начиная со второй половины 2000-х гг. (рис. 1).

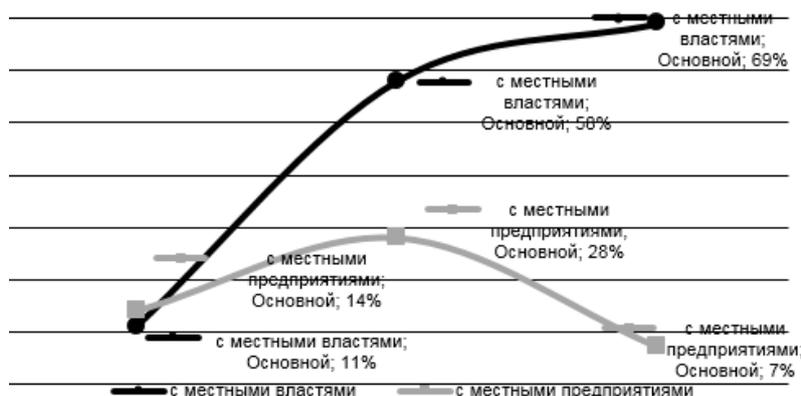

Рис. 1. С кем Вы связываете надежды на решение социально-экономических проблем Вашего села? Массовый опрос

Положительным аспектом данной тенденции является возрастание значения формальных институтов самоуправления, что может быть интерпретировано как показатель успешности муниципальной реформы, в ходе которой местное самоуправление получило не только более четкую организационную структуру, но и определенные гарантии своей публичной власти.

Очевидно, что огромный эффект для сельских территорий имела реформа самоуправления, инициированная принятием в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Реинституционализация института местной власти, наделение ее четкой организационной структурой и системой полномочий, подкрепленных пусть небольшим, но финансированием, позволили стабилизировать ситуацию на селе, обозначить «нового хозяина», в качестве которого выступили сельские власти. Рост поддержки населения в данном случае означает становление местной власти в качестве действительно публичной. В результате было преодолено положение дел, характерное для российских сельских сообществ на протяжении 1990 – первой половины 2000-х гг., при котором основным властным субъектом на селе оказались сельскохозяйственные предприятия, т.е. субъекты экономические.

В то же время после сворачивания социальной активности крупных сельскохозяйственных предприятий полностью эта ниша так и осталась фактически никем не занятой. Связано это с ограниченностью ресурсов локальных сообществ, стабильностью и немногочисленностью основных субъектов социально-экономических взаимодействий. Несмотря на то что уход со сцены сельскохозяйственных предприятий ведет к переносу функций по оказанию помощи селу на администрацию и фермеров, ни сельские администрации, ни фермерские хозяйства не обладают достаточной ресурсной обеспеченностью для поддержания социальной жизни села и сельской экономики личных подсобных хозяйств. Таким образом, ликвидация или банкротство крупхозов являются спусковым механизмом деградации и гибели сельских сообществ.

Рост поддержки местной власти среди сельского населения позволяет сделать вывод не только об успешной институционализации самоуправления в результате муниципальной реформы, но и об очередной трансформации сельского патернализма и изменении системы ожиданий, связанных с различными локальными институтами. Дело в том, что формирование системы ожиданий связанных со становлением института местного самоуправления, в сельской местности не сопровождалось формированием самих сельских сообществ в качестве сознательных участников локальной муниципальной политики или повышением их социальной или политической активности. И это характерная ситуация в сельской местности, позволяющая интерпретировать ее именно как проявление патернализма. Данные многочисленных исследований показывают, что отсутствие активной социально-политической позиции характеризует отношение рядовых сельских жителей не только к самоуправлению, но и к более широким вопросам публич-

ной и общественной жизни [8]. В результате в сельских сообществах вместо процессов гражданского и политического участия происходят очередной всплеск и реструктурирование патерналистских ожиданий.

Ориентация на патернализм оказывается определяющей не только для сельских жителей и не только для простого населения, но и для правящих элит, вплоть до влияния на уровень принятия законодательных и стратегических решений. Наиболее ярко этот момент был продемонстрирован в ходе последних изменений муниципальной реформы, в рамках которых произошло встраивание местного самоуправления в вертикаль власти (на законодательном уровне сопровождавшееся отменой выборности глав муниципальных образований, сокращением количества компетенций муниципалитетов низового уровня). Среди сельских элит (депутатов и представителей местного самоуправления) это проявляется в убежденности, что местное самоуправление должно быть хотя бы частично подчинено государственным органам власти (табл. 4).

Таблица 4
Предпочитаемые принципы взаимодействия местных и центральных властей в Российской Федерации. Экспертный опрос, %

Вариант ответа	Год		
	2007	2011	2014
Взаимная независимость в рамках действующего законодательства и недопустимость контроля со стороны центральных властей за деятельностью органов МСУ	28	23	30
Полная подчиненность местных органов власти центральным	19	21	23
Частичная подчиненность	44	41	40
Затруднились с ответом	9	15	7

Очевидно, что воспроизводство установки на патернализм в условиях современного села является закономерным не только потому, что это устойчивая установка обыденного сознания, но и в силу целого ряда обстоятельств, связанных с факторами социально-психологического и социально-экономического характера. Так, исследования, проводимые различными коллективами, показывают, что установки на патернализм чаще воспроизводятся в ситуации неопределенности и тревожности и сопровождаются снижением уровня социального самочувствия [8]. Также видим, что установки на патернализм в гораздо большей степени выражены в условиях социальной недифференцированности и внутренней неструктурированности сообществ. Можно предположить, что подобная ситуация является одним из следствий феномена «двойной эксклюзии», в которой оказались сельские сообщества. С одной стороны, эта эксклюзия вызвана процессами социально-географической и отраслевой стратификации, в результате чего сельское население оказывается в неравных условиях по сравнению с городским. С другой стороны, эксклюзия вызвана процессами социальной дифференциации, приводящей к маргинализации отдельных социальных групп и целых сообществ. Российское село в данном случае представляет собой яркий пример того, как социальные и экономические условия влия-

ют на процессы политического участия населения и более широко – на формирование им образа мира.

Таким образом, реализованный анализ социокультурных детерминант развития сельских сообществ показал, что «сельский» патернализм оказывается одним из наиболее специфических и одновременно структурообразующих явлений в жизни сельского социума. Сельский патернализм, понимаемый как сформировавшийся у сельских жителей блок ожиданий, связанных с поддержкой не только властных, но и хозяйственных структур, репрезентируется в повседневной системе взаимодействий сельских жителей, ориентированных на улучшение своего благосостояния путем получения помощи от различных политических и экономических институтов в условиях осознания невозможности выжить без получения таковой. В качестве основных выводов о сущности и значении «сельского» патернализма приведем следующее.

В целом можно утверждать, установка на помощь государства продолжает занимать центральное место в структуре ожиданий сельского населения. Государство до сих пор остается главным и основным адресатом патерналистских ожиданий. При этом яркой чертой российского обыденного сознания оказывается неоднозначное отношение к государству (разочарование и надежда).

В условиях изменения социально-экономической ситуации и снижения роли хозяйствующих субъектов в жизни сельских сообществ особое значение для них приобретают другие институты, а именно институты политические. Смещение ожиданий сельчан от невластных институтов к властным (от субъектов экономических к субъектам политическим) сопровождается изменением ожиданий, связываемых с различными политическими институтами. В частности, происходит смещение ожиданий по линии государство – местные власти.

Установка на патернализм ярко проявляется как среди экспертного сообщества, так и среди рядового сельского населения. В современном российском селе

актуализации установки на патернализм способствуют, с одной стороны, некорректное формирование современных демократических и рыночных ценностей (неоформленность отношения к частной собственности на землю, ощущение проигрыша от реформ), с другой – низкие показатели социального самочувствия, общее снижение рейтингов доверия всем уровням власти при одновременном распаде горизонтальных связей.

По нашему мнению, пример «сельского» патернализма ярко демонстрирует, что существуют социокультурные установки, которые могут трансформироваться под воздействием целого ряда факторов, но при этом вряд ли полностью исчезнут. Можно предположить, что значимость данных установок (которая проявляется в виде их стабильного воспроизводства в пространстве и времени) обусловлена именно повторением ситуации, т.е. условий, в которых они воспроизводятся. Каждый раз это условия тотальной нехватки ресурсов и невозможности выжить самостоятельно, без помощи извне. Уточним, что речь идет не об объективной или абсолютной нехватке ресурсов (объективно всегда можно найти свободную пашню или даже выжить за счет собирательства в лесу). Эта нехватка скорее относительная (в силу того что крестьянский труд до сих пор является слишком трудоемким и низкорентабельным), связанная не с физическим выживанием, а с приемлемым по современным меркам уровнем и качеством жизни. Для села проблема усугубляется тем, что современный сельский образ жизни оказывается навеян и зависит от стандартов, задаваемых городским образом жизни, которые жизнь на селе просто не в состоянии обеспечить.

В ситуации, когда невозможно выжить самостоятельно, без помощи извне, «непродуктивный» патернализм оказывается структурообразующим элементом системы ожиданий, а его основное значение заключается в том, чтобы поддерживать в населении осознание того, что в критических ситуациях есть на кого рассчитывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Снеговая М. Патернализм как часть непродуктивной культуры // Ведомости. 2015. 15 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/paternalizm-kak-chast-neproduktivnoi-kulturi>
2. Сусак В. Патернализм // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 3. С. 76–94.
3. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация : учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М. : Наука, 1995.
4. Большой толковый социологический словарь. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/sociologic/paternalizm>
5. Горянов А.В. Патернализм как одна из основ существования сельской дворянской усадьбы в России в XVIII–XIX вв. // Власть. 2011. № 4. С. 113–116.
6. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск : Ин-т ИЭиОПП СО РАН, 2009.
7. Зазулина М.Р. Институциональная динамика аграрного сектора как фактор трансформации сельских сообществ: социально-философский аспект // Сибирский философский журнал. 2018. № 3.
8. Белинская Е., Литвинова С., Муравьева О. и др. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. Т. 20. С. 63–70.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 февраля 2019 г.

A Transforming Paternalism and Its Limits: Some Regularities in Changing the Structure of Expectations of the Rural Population of Modern Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 113–119.

DOI: 10.17223/15617793/441/15

Mariia R. Zazulina, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zamashka@yandex.ru

Keywords: paternalism; rural community; state; transformation; political institutions; economic institutions.

The article shows the features of the transformation of a paternalistic mindset in the modern Russian rural society, and characterizes the place that paternalism occupies in the structure of expectations of the rural population. The article is based on the data (mass and expert surveys) of a sociological research carried out in rural communities of Novosibirsk Oblast from 2005 to 2014. The conducted research allowed to put forward a number of hypotheses regarding the features of the sociocultural transformation of the Russian rural society. In particular, the studies have shown that among the rural population the attitude to paternalism is extremely pronounced. Bright manifestations of paternalism in the rural regions of Russia are fixed by researches of the recent decade. There appears a specific phenomenon, "rural" paternalism, which the author understands as a block of expectations of rural residents associated with the support from the authorities and economic structures. Rural paternalism is represented in rural residents' daily interactions aimed at improving their well-being by receiving support from various political and economic institutions; rural residents realize that it is impossible to survive without this support. The paternalistic attitude has a structure-forming effect on the entire system of expectations that the rural population associates with various power and economic institutions. It determines the hierarchy of expectations, as well as the features of their transformation. Studies show that the expectation of state support continues to occupy a central place in the structure of rural residents' expectations: the state still remains the major and primary recipient of paternalistic expectations. At the same time, a bright feature of the Russian everyday consciousness is an ambiguous attitude to the state (disappointment and hope at the same time). However, studies record changes in the structure of expectations of the rural population. These changes are caused by a permanent socio-economic crisis and a decline in the role of economic entities in the life of rural communities. As a result, there is a shift in public expectations in two directions at once. Firstly, there is a shift in expectations from the state to local authorities. Secondly, there is a shift in expectations from economic actors to political actors. The paternalistic mindset is clearly manifested both among the expert community and among the ordinary rural population. Factors of actualization of paternalistic sentiments are the incorrect formation of modern democratic and market values (unformed attitude to private ownership of land, the feeling of loss from reforms), low social well-being and a general decline in confidence ratings to all levels of government with a simultaneous disruption of horizontal ties.

REFERENCES

1. Snegovaya, M. (2015) Paternalizm kak chast' neproduktivnoy kul'tury [Paternalism as part of an unproductive culture]. *Vedomosti*. 15 April. [Online]. Available from: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/paternalizm-kak-chast-neproduktivnoi-kulturi>.
2. Susak, V. (2007) Paternalizm [Paternalism]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 3. pp. 76–94.
3. Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1995) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Nauka.
4. Znachenieslova.ru. (n.d.) *Paternalizm* [Paternalism]. [Online]. Available from: <http://znachenieslova.ru/slovar/sociologic/paternalizm>.
5. Goryanov, A.B. (2011) Paternalizm kak odna iz osnov sushchestvovaniya sel'skoy dvoryanskoy usad'by v Rossii v XVIII–XIX vv. [Paternalism as one of the foundations of the existence of a rural nobleman's estate in Russia in the 18th–19th centuries]. *Vlast'*. 4. pp. 113–116.
6. Kalugina, Z.I. & Fadeeva, O.P. (2009) *Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki* [Russian village in the maze of reform: sociological essays]. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
7. Zazulina, M.R. (2018) *Institutsional'naya dinamika agrarnogo sektora kak faktor transformatsii sel'skikh soobshchestv: sotsial'no-filosofskiy aspekt* [Institutional dynamics of the agrarian sector as a factor in the transformation of rural communities: A socio-philosophical aspect]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 3.
8. Belinskaya, E. et al. (2004) *Politicheskaya kul'tura: ustanovka na paternalizm v mental'nosti rossiyan* [Political culture: an orientation towards paternalism in the mentality of Russians]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 63–70.

Received: 18 February 2019